

ПИЩА ДУХОВНАЯ И ПИЩА ТЕЛЕСНАЯ.

ЕДА И РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЯ К НЕЙ В «ЧУДЕСАХ СВ. БЕНЕДИКТА» И «ЖИЗНИ СВ. АББОНА» (ФРАНЦИЯ, НАЧ. XI ВЕКА)

Ключевые слова: Аймоин Флёрийский, Аббон Флёрийский, пища, чудеса, повседневность, Европа X–XI вв.

Аннотация: Из двух латинских текстов начала XI века, созданных в монастыре св. Бенедикта во Флёри на Луаре, выделяются и анализируются различные эпизоды, в которых фигурирует еда: от повседневных забот о пропитании до роскошных трапез, от запасов продовольствия как желанной военной добычи до пищи как средства укрепить дух защитников монастыря, от рассказов о сурово наказанные грешниках до свидетельств явленной свыше милости к монастырю, в которых оказывается задействовано съестное. Уделяется внимание и подбору слов, посредством которых обозначается пища, и вербальным конструкциям, в которых задействованы характеристики, связанные с едой, вкусовыми ощущениями и т.д.

Мужской монастырь святого Бенедикта во Флёри на Луаре к концу X века существовал уже более трехсот лет и славился не только мощами Бенедикта Нурсийского, не только своим влиянием и богатством, но и библиотекой, скрипторием и школой, выпускники которой сами становились успешными преподавателями — будущего аббата Аббона даже приглашали учить других монахов в Британию, в Рэмси, где он провел около двух лет (985–987) — или прибавляли к книгам в хранилище собственные труды. Среди самых известных авторов, связанных с монастырем во Флёри — монах по имени Аймоин (ок. 950 — ок. 1008 гг.), работавший

(при помощи собратьев) над «Историей франков»¹, а также оставивший несколько сочинений меньшего объема, стихотворных и прозаических, в том числе две книги «Чудес святого Бенедикта»² и «Жизнь святого Аббона»³, которая повествует о жизни и кончине аббата Флёри, педагога, энергичного сторонника клюнийского движения и своего наставника.

Этим двум латинским текстам несвойственно многословие, их язык довольно скуп на подробности, в них крайне редко встречаются сколько-нибудь пространные описания. В том, что касается чувственного восприятия окружающего мира, скупость особенно заметна: в текстах почти не попадаются указания на цвет, редко фигурируют звуки, упоминаний о запахе всего два — по одному на каждое произведение. Особы женского пола появляются в обоих текстах довольно редко и исполняют четко определенные функции: это может быть королева, жена владельца замка, мать самого автора, а может — и участница мятежной толпы, но ни о каких эмоциональных и, тем более, чувственных переживаниях в связи с женщинами в тексте не упоминается. Монастырь находился в местности, подвергавшейся набегам норманнов, да и соотечественники то и дело посягали на его владения с оружием в руках, поэтому о разного рода стычках, о полученных и нанесенных увечьях рассказывается довольно часто, но боль, испытываемая пострадавшими то ли не кажется автору достойной упоминания, то ли восприни-

-
- 1 **Historiae Francorum.** 1853. Это сочинение, продолженное и после того, как Аймоин оставил работу над ним, впоследствии легло в основу «Больших французских хроник» и тем самым в значительной мере определило характер «официальной» версии национальной истории во Франции периода зрелого средневековья.
 - 2 **De miraculis.** 1853.
 - 3 **Vita.** 1853.

мается им как нечто само собой разумеющееся. Смерть Аббона, свидетелем которой стал Аймоин, была насильственной: он получил смертельную рану, пытаясь разнять участников столкновения между монахами из Флёри и обитателями гасконского монастыря Ла Реоль, куда делегация из монастыря св. Бенедикта прибыла для реформирования пришедшей в упадок обители. И только тут Аймоин, описывая этот трагический эпизод во всех подробностях, не избегает деталей и эпитетов, которые указывают на физические или душевные страдания (что делает весь эпизод еще более выразительным за счет контраста с остальным текстом)⁴.

Но предметом нашего интереса в данном случае будут не смерть, боль и увечья, и не недуги и исцеления от них, которые в «Чудесах святого Бенедикта», разумеется, присутствуют, а сюжет более приземленный — все, что связано с едой, ее источниками, ее видами и разного рода проблемами, которые вокруг питания возникали. И лаконичность источников в каком-то смысле создает для нас благоприятные условия: если в тексте такого рода обнаруживаются ситуа-

-
- 4 **Vita.** 1853: XX. «Получив удар, он не закричал, не зашатался, не покачнулся, будто бы падая, но, сказав только «это он сделал всерьез», принялся подниматься к дому, где находились его служители. Его поддерживал некий брат по имени Гвилельм, которого мы упомянули выше. Я, отправившись вслед за ним, заметил, что порог дома, куда уже вошел святой муж, покрыт отчасти свернувшейся кровью. На мой вопрос, чья это кровь, я получил от Божьего человека ответ: «Моя, Господь свидетель». Мои волосы поднялись дыбом, ужас сотряс все тело, а голос охрип. Ведь до тех пор никто не понял, что он ранен; но я счел, что пострадала только его одежда. Итак, я обратился к нему: «Куда, господин мой, тебе нанесли удар?» Тогда он поднял руку, чтобы показать рану, и внезапно из-за ребер хлынул поток крови, залил широкий меховой рукав. И ведь он сам, не выдавая боль ничем, кроме изменившегося цвета лица, понял, что я трепещу все сильнее и сильнее как по выражению моего лица, так и по жалобным словам, с веселым взглядом и, казалось, почти смеясь, сказал: «Что же ты станешь делать, если тебя самого ранят? Однако не смей бояться; лучше тебе выйти наружу к нашим и заставить их явиться ко мне, чтобы этот беспорядок улегся».

ции, в которых фигурирует пища, значит, этот предмет заведомо имеет определенную ценность — уже за счет того, что он вообще включен в повествование.

Часть таких ситуаций можно условно отнести к «обыденным» или «повседневным»: это упоминания пищи в бытовых обстоятельствах, по всей видимости, лишенные символической составляющей. Например, когда Аббон Флёрийский отправляется в Рим, радушный прием, оказанный ему папой Григорием V, подчеркивается словами о совместных трапезах:

Так, в течение целых восьми дней удерживая его и часто приглашая откусывать вместе («convivio suo eum asciscens»), он охотно согласился на все, ради чего тот приехал⁵. Однако Аймоин добросовестно сообщает и о том, что итальянская пища не шла Аббону впрок: «И хотя его обременяла телесная полнота (ведь из-за того, что в заморских краях он употреблял непривычного свойства еду иноземцев и отвары в качестве питья, его тело отяжелело), однако труд ни в коей мере не утомил его. И сама эта тучность не ни в коем случае не пятнала его позором⁶.

О том, чтобы Аббон и его спутники не остались голодными, заботится и гостеприимный Гиральд, в замке которого аббат ненадолго останавливается на пути в Ла Реоль⁷; особо упоминается рыба, которую Гиральд посылает в пода-

5 Vita. 1853: XI.

6 Ibidem: «Et quamvis mole corporis gravaretur (nam, in transmarinis regionibus peregrinorum ciborum inusitata qualitas decoctaeque potionis haustus corpus ejus pingue reddiderat) nequaquam tamen labore fatigabatur. Nec vero ipsa ejus pinguedo ullam ei ingerebat dehonestationes maculam». Отметим, кстати, что автор считает нужным предупредить возможные упреки (в чревоугодии?), заранее оправдывая полноту Аббона неподходящей едой; то есть тучность как будто рассматривается как нечто, подлежащее осуждению.

7 Гиральд обещает предоставить им «все необходимое продовольствие» — «cuncta victui necessaria». Vita. 1853: XVIII.

рок уже двинувшейся дальше делегации из Флёри⁸. А в «Чудесах святого Бенедикта» к обыденным можно отнести начало рассказа о немой и частично парализованной женщине Аделаис, которая сидит у ворот монастыря, жестами прося у братии еды — «... *quidem nutu manuum petebat vitae subsidium*»⁹ и одну из деталей в сюжете о строителе, упавшем с одной из монастырских крыш, но оставшемся невредимым: перед падением он «испил какого-то питья», что сказалось на его ловкости¹⁰.

Но «повседневность» на рубеже X–XI вв. включала в себя и гораздо более напряженные эпизоды. Аббон со спутниками прибывает в Ла Реоль, и хотя до вооруженного столкновения дело еще не дошло, но новоприбывшие почти сразу же вступают с обитателями монастыря в ожесточенный спор из-за корма для лошадей (*propter cibaria equorum*)¹¹; следующий конфликт спровоцирован уже неподобающим поведением одного из местных монахов, Анезана, «варвара по происхождению и по прозванию»: тот без разрешения покинул обитель, чтобы поесть за ее пределами¹². А ранее описывалось сорванное враждебно настроенными простолюдинами совещание епископов в монастыре святого Дионисия; некоторых из его участников побили, некоторые успели сбежать, и в числе последних оказался безымянный епископ, которому «страх придавал столь быстрые крылья, что, бросив накрытый для обильнейшей трапезы стол, что для себя уставил, он

8 Ibidem: «praemittens per internuntios piscium xenia».

9 **De Miraculis**. 1853: II. XVII.39.

10 **De Miraculis**. 1853: I. XI.24.

11 **Vita**. 1853: XIX.

12 **Vita**. 1853: XX «...foras manducare praesumpsisset».

устремился к городским стенам соседнего Парижа»¹³ Эта деталь — трапеза, которую епископ для себя подготовил, и от которой вынужден был отказаться, видимо, должна подчеркивать степень охватившего его ужаса. В «Чудесах святого Бенедикта» же поиск и изъятие разного рода продовольствия и его источников — это довольно стандартный повод для посягательств на монастырские (или спорные) владения и стандартная составляющая военных действий. Некий «воин дурного нрава» повадился добывать себе пищу в ближайшем лесу — за счет монахов и местных жителей¹⁴, за что с ним собственноручно расправляется благочестивый король Радульф (Рауль); «до ста сорока воинов рассыпались по полям Аргентомага», собирая урожай и угоняя мелкий и крупный скот из соседних деревень¹⁵, упоминается в «Чудесах» и посягательство на монастырские виноградники¹⁶; враг монастыря Адемар замышляет штурм его стен, так как в ранее захваченном им укреплении под названием Брусс катастрофически не хватает продовольствия, и он рассчитывает восполнить недостаток «обильными запасами зерна и вина, которые окрестные жители свезли под защиту святого места»¹⁷.

Насколько сильно отличаются от этих примеров эпизоды, в которых фигурируют ситуации, либо прямо маркиро-

13 **Vita.** 1853: IX «Uni quoque eposcoporum timor fugienti tam veloces additus alas, ut, affluentissimo prandii apparatu quem sibi exstruxerat relicto, vicinae urbis Parisiorum moenia fugitabundus expeteret».

14 **De Miraculis.** 1853: I.III.11. «...convivium ex substantiis monachorum sive incolarum in proxima silva sibi parare...».

15 **De Miraculis.** 1853: I.XV.29.

16 **De Miraculis.** 1853: I.XIX.33.

17 **De Miraculis.** 1853: II.V.11. «... ut copiis frumenti ac vini, quae a circumjacentibus incolis inibi ob tutamen sanctorum locorum aggregate erant pervasae Brucciae inopiam sublevaret».

ванные как «чудеса», либо имеющие отчетливый оттенок сакрального? Арена, на которой разворачиваются события, предсказуемо сохраняет прочную связь с повседневностью, отличия сводятся в основном к упомянутой маркировке и к наличию более явного дидактического обоснования произошедшего. Еда может быть важной деталью рассказа о заслуженном наказании того или иного грешника, а может фигурировать и в качестве орудия этой кары. Так, некий воин из свиты королевы Герберги, сопровождая в собор Реймса опаздывающую на службу госпожу, впопыхах кладет свой меч на алтарь в часовне, посвященной святому Бенедикту, а когда ему указывают на кощунственность этого поступка, высокомерно отвечает, что кучка камней не может быть более святой, чем его меч. Возмездие настигло его, когда он, «радостный, средь кушаний и напитков, с сотрапезниками и сам вкушал трапезу, покачнувшись, ножиком в пах оказался ранен»¹⁸ и истек кровью до смерти. И на врага обители Флёри по имени Арнуст кара свыше обрушилась за трапезой:

...в один из дней, когда упомянутый муж приказал приготовить себе завтрак [...], среди роскошных блюд он велел найти ему для еды плоды груши¹⁹. Держа один из них в руке, он произнес много бранных слов против монахов Флёри и принес ложную клятву, сказав так: «Груша свидетель тому, что в этом году я причиню им много неприятностей». С этими словами он положил в рот уже отрезанный кусочек плода, который так перегородил глотку, продолжающую браниться, что его голос прервался и он не смог произнести ни слова. Его люди на руках перенесли его, словно бы бездыханного, на кровать, приговаривая, что эта кара напоминает о том, что будут наказаны те, кто наносит обиды служителям

-
- 18 **De Miraculis.** 1853: I. VI.18. «... laetus cum coenantibus et ipse coenaret, inter epulas et pocula, labente super inguinal cultello sauciatur».
- 19 **De Miraculis.** 1853: I.V.17. «... prandium sibi [...] parari iubens, inter lautioris mensae epulas, poma piri ad vescendum inquiri juberet». Из контекста как будто следует, что груши Арнуст ел сырыми. О грушах в средневековой кулинарии (а также медицине) см. **Adamson.** 2004: 19.

благословенного Бенедикта. А он, не в силах говорить, склонил голову к стене и испустил дух.

В случае же с очередным «воином», оскорбившим монаха из небольшой обители, гибель обидчика была косвенным образом связана со злоупотреблением вином:

... напившись со своими людьми допьяна вином Его рабов и не поблагодарив за это, вошел в дом, довольно далеко отстоящий от монастыря; там он [...] упивался вином сверх меры, пока не испил до самого дна чашу гнева Господня. Поднявшись из-за стола, он поставил рядом с собой светильник и, заснув временным сном, погрузился в сон вечный. Ведь огонь подпалил соломенный тюфяк на кровати, огненные искры полетели ввысь и легко достигли крыши дома, а несчастный так и не проснулся, когда балки, охваченные огнем, обрушились на него всей тяжестью²⁰.

В случае с всадником, отобравшим у бедной вдовы секстарий овса, чтобы накормить им своего коня, наказанию свыше подверглось в первую очередь животное: не успел всадник с оруженосцем отъехать от дома вдовы, как конь упал и сломал себе шею²¹; но поскольку конь представлял собой большую ценность, считать, что его владелец избежал ответственности, не приходится. А вот кончина некоего Ромальда из Шартра, посягавшего на принадлежащее монастырю стадо свиней, хотя и была, по-видимому, прямым следствием его поступков, с употреблением свинины в пищу напрямую не связана — он умер от лихорадки²².

С едой и питьем, шире — с принятием чего-то внутрь, — может быть связано и событие благое: исцеление или иная помощь свыше. Отдельно среди примеров такого рода стоит отметить несколько случаев, в которых речь либо идет о причастии (которое все равно маркируется, в том числе, и

20 **De Miraculis.** 1853: II, VIII, 24.

21 **De Miraculis.** 1853: I, XIV, 28.

22 **De Miraculis.** 1853: I.VIII.20.

как «еда»), либо о происходящих из монастыря напитке и хлебе, которые воспринимаются как своего рода аналог причастия²³. В ходе одной из вооруженных кампаний местного значения на стороне монастыря воюет с общими противниками отряд жителей Аргентомага (Аржантона); перед очередной боевой стычкой аржантонцы просят монахов допустить их к причастию хлебом и вином, объясняя это так:

...они без сомнений верят, будто посредством этой пищи («per illam escam») и благодаря заслугам славного исповедника Бенедикта и из битвы выйдут победителями, и будут неуязвимы для смертельной опасности; и они не обманулись в своих надеждах. [...] Никто из жителей Аргентомага, которые напिताлись хлебом и вином святого Бенедикта ради его спасительной помощи, не претерпел во время резни никакого ущерба²⁴.

Далее в «Чудесах» появляется защитник монастыря Гаузфред, «прозванный Ослон за силу, а не за лень»: он успешно отражает вражеские попытки штурмовать ворота обители, в чем ему немалую помощь оказывает ветер, дующий в нужную сторону. Накануне Гаузфред отдавал своим людям распоряжения, выпив попутно «чашу во имя любви к отцу Бенедикту» («*inter pocula in amore Patris Benedicti sumpta*»)²⁵. Другой защитник, Хугон, владелец «замка, что называется Гаргилисса», перед сражением просит доставить ему и его воинам «...хотя бы два хлебца из тех, которыми питаются монахи, которые он бы принял в пищу вместе со своими людьми перед тем, как идти в бой; питая сильную веру,

23 «Ежедневные действия — еда и питье — были преображены в одно из центральных таинств Христианской церкви», и это предсказуемо породило некоторую путаницу для неискушенных в тонкостях христианской доктрины мирян раннего средневековья. См. **Cambridge World History of Food**. 2000: 1204.

24 **De Miraculis**. 1853: I.XVI.30.

25 **De Miraculis**. 1853: II.V.16.

он был убежден, что эта еда сможет лучше всего защитить его от любого опасного оружия»²⁶. Как и в случае с благочестивыми жителями Аржантона, надежды Хугона полностью оправдываются.

Исцеление же напрямую связывается с питьем чего-либо лишь единожды: в «Чудесах» — небольшом приложении к «Жизни Аббона», — рассказывается о больном лихорадкой, который просит омыть водой правую руку еще не погребенного аббата, а затем выпивает эту воду, после чего выздоравливает²⁷. В другом же случае исцеление приходит в ответ на искренние молитвы парализованного бедняка, но, вероятно, не только на них:

...он попросил братьев подкреплять его пищей, пока благодаря заступничеству своего святого исповедника Господь не дарует ему желанное исцеление. Аббат Рихард не отказал его мольбам и постановил включить его в число двенадцати нищих, которых избирали согласно доброму старинному обычаю во Флёрийском монастыре нашего Отца, по числу двенадцати апостолов, и велел кормить и одевать его за счет общины²⁸.

Не исключено, что скромное, но регулярное питание тоже могло сыграть свою роль в выздоровлении этого человека, однако в тексте «Чудес» подобного рода предположений не содержится.

Особое внимание привлекают эпизоды, связанные с описаниями (довольно красочными) пожаров во Флёри: мо-

26 **De Miraculis.** 1853: II.VII.22. «Ut sibi saltem duos conferret panes ex iis quibus monachi vescebantur, quos ipse cum suos certamen intraturus in escam sumeret; fidei non modicae exsistens, qui crederet illo se cibo validius omnibus posse armis conta universa muniri pericula».

27 **Miracula S. Abbonis.** I; этот эпизод перекликается с исцелением, совершенным Аббоном при жизни, но тогда он ополаскивает руки в святой воде, а затем предлагает прокаженному использовать эту воду тоже для омовения, которое смывает с несчастного заразу. См. **Vita.** 1853: XIV.

28 **De Miraculis.** 1853: I.XII.26.

настырские постройки пострадали не так сильно, как могли бы, и это сочли чудом. Во время одного из пожаров «...груда плодов, которую мы на народном языке называем суржей (*«acervus quoque frugum, quem metum vulgo dicimus»*), подмостья которой отстояли от самой церкви едва ли на девять шагов, избежала жадных языков пламени»²⁹. Дальнейшие события оказываются истолкованы как своего рода послание свыше:

Внезапно северный ветер, который гнал пламя к монастырскому амбару, прекратил дуть, а весь огонь, собравшись в шар, поднялся над крышей в небеса; также свыше явилось еще одно чудо: церковь святого Бенедикта, которая прежде сгорела и была восстановлена, уцелела, со странноприимным домом и кухней при нем, так же и с пекарней, как если бы Господь не словами, но делами сказал своим рабам: Вот, из-за явленной суровости вам кажется, что Я гневаюсь, однако молитвами моих верных, которых Я избрал стражами этого места, Я смягчаюсь и оставляю вам из хозяйства кое-что для обитания³⁰.

В еще более торжественных словах повествуется о как будто бы малозначительной подробности пожара 974 г.: для пламени оказался неуязвим столик-треножник, на который выкладывали какое-то угощение для бедных.

Тогда Бог вновь явил древнее чудо: как при Моисее сохранил терновый куст не опаленным в пламени, так и деревянный столик не ощутил огненного жара... И было заметно, как на лицах многих

29 **De Miraculis.** 1853: I.IX.21. Речь, видимо, идет об урожае с поля, засаженного смесью пшеницы с другим злаковым.

30 **De Miraculis.** 1853: I.IX.22. «Cum repente aquilone, qui ad horrea fratrum flammas impellebat, flare cessante, totus ignium globus volumine facto coelum versus cacumen extendit ibique par superiori apparuit miraculum, ecclesia Sancti Benedicti, quae pridem succensa atque restaurata erat, remanente cum xenodochio ejusque coquina necnon et pistrino, ac si Dominus non verbis, sed operibus servis suis dicere videretur: Etsi vobis pro commissis iniquitatibus iratus videor, precibus tamen fidelium meorum, quos huic loco tutores delegi, mitigates, aliqua vobis ad inhabitandum domicilia relinquo».

людей печаль из-за угрожающего бедствия внезапно сменялась воодушевлением из-за этого вещего знака³¹.

Наконец, одно из чудес во Флёрі оказывается связано с доставкой в монастырь к празднованию дня перенесения мощей святого Бенедикта лакомого кушанья — речной рыбы. В самом монастыре рыбного садка нет, поэтому настоятель отправляет одного из братьев в «местности, богатые множеством рыбы»³². Тот исправно ищет и закупает «речные плоды»³³, но на обратном пути сталкивается с непредвиденным препятствием: «жалкая речушка», которую он в первый раз без труда пересек, за прошедшее недолгое время разлилась и превратилась в бурный поток. Однако благодаря молитве благочестивого брата на его сторону потока словно сама собой приплывает от противоположного берега лодка, на которую он и грузит закупленную рыбу. Когда он добирается до Флёри, остальные братья встречают его весьма эмоционально, в тексте для описания их реакции используется даже причастие «*tripudiantes*»: монахи скакали или даже приплясывали от радости, хотя Аймоин уточняет, что радость была вызвана в первую очередь осознанием того, насколько милостив к обителю ее святой покровитель.

Если ненадолго отвлечься от содержания и обратиться к форме, в которой вышеперечисленные сюжеты изложены, то и среди речевых оборотов мы встретим более или менее очевидным образом связанные с темой питания. В зачине

31 **De Miraculis.** 1853: I.X.23. «Tunc renovante Deo antiquo miracula, qui sub Moyse rubum mediis in flammis servavit incombustum, mensa lignea vaporem non sensit igneam. [...] Videre erat dudum lugubres pro imminenti calamitate multorum vultus repente hujus prodigii alacritate permutatos».

32 **De Miraculis.** 1853: I.XVIII.32. «... ad abundantes uberiora piscium copia regiones».

33 Ibidem. Буквально — «речные стручки»: «fluminum legumina solerti cura quaesivit».

«Чудес святого Бенедикта» она обнаруживается, например, в составе достаточно типичных формул, подчеркивающих смирение автора и его ничтожность в сравнении со столь возвышенным предметом: непритязательность рассказа не оттолкнет читателей, ищущих духовного утешения.

Более того, пусть, поражаясь чудесам, черпают из нашей корзины с презренной крестьянской едой золотистый и благоуханный мед; и пусть помнят, что в глиняных горшках роскошные кушанья по большей части кажутся еще вкуснее³⁴, — пишет Аймоин.

А завершая вторую книгу «Чудес», он (кажется, не без горькой иронии) сетует на неких недоброжелателей, препятствующих дальнейшей работе:

Ведь нас побуждают к молчанию друзья наши, которые полагают, что пища их наиболее изобильна, если воткнут язвящий зуб в труды других³⁵.

Ассоциации со сладким медом может вызвать и искусная ученая речь: «Воистину как медовый сот твои уста, что сочатся потоком слов, проливающимся в наше горло сладким медом и нектаром, которые мы ценим выше золота и серебра...»³⁶, — цитирует Аймоин адресованное Аббону письмо. Обучение свободным искусствам превращается в «напитывание»³⁷, пище уподобляется философия³⁸, а

34 **De Miraculis**. 1853: Prologus. 2 «Quin potius inter rusticana despicabilis mensae nostrae canistra, rutilantia ac suave redolentia miraculorum admirantes hauriant mella; meminerintque quia in testaceis plerumque vasis lautioribus epulis delectabiliter uti soleant».

35 **De Miraculis**. 1853: II.XXII.46. «Compellunt etiam nos ad tacendum amici nostri, qui maximum deputant sibi affluere epulum, si aliorum studiis laceram infigant dentem».

36 **Vita**. 1853: VI. «vere favus distillans sunt labia tua, quae distillaverunt verborum fluentia, super mel et favum gutturi nostro dulcia».

37 См., например, **Vita**. 1853: I или V: «...aliquos monachorum scientia imbuat litterarum».

38 **Vita**. 1853: VI. «...educaverat philosophiae alimentis...».

стремление восполнить недостаток познаний описывается с помощью слов, обозначающих в том числе чувство голода или жажды³⁹. Про незнатных родителей Аббона говорится, что «их не питала понапрасну исполненная гордостью благородная кровь»⁴⁰, тот же глагол «*alere*» используется и при упоминании о тайном «подкармливании» предательства в «Чудесах святого Бенедикта»⁴¹. И хотя оба текста, как уже говорилось выше, очень скупы на эпитеты вообще и эпитеты, связанные с чувственным восприятием — в частности, в них несколько раз встречается прилагательное «*dulcis*», к которому автор прибегает, тогда нужно охарактеризовать нечто приятное — от только что упомянутого «сладкого меда» как части метафоры и до «сластного искусства музыки».

Приведенные примеры, разумеется, достаточно разнообразны, но большинство из них объединяет одна общая черта — упоминания о еде носят максимально общий характер. Какие именно яства велел приготовить для себя епископ, сбежавший от разгневанной черни под защиту парижских стен? Что ел и что пил так неудачно поранившийся воин королевы Герберги? Какую именно речную рыбу привезли во Флёри для торжественного застолья? Чем в монастыре кормили бедняков⁴²? Все эти вопросы остаются без ответа:

39 См., Vita. 1853: I. «...plenissime fluenta doctrinae mentibus erat propinaturus sapientiam sitientium...» или III: «...nequaquam tamen jejunos ab eis funditus remansit» — о риторике и геометрии, которыми Аббон, по его собственному мнению, владел хуже других «свободных искусств».

40 Vita. 1853: I.

41 De miraculis. 1853: II.V.18. «...occulte autem prodicionem alebat...».

42 Можно было бы предположить, что Аймоин, будучи монахом, привык к самой простой пище и гастрономическими познаниями не обладал, но все же структура питания в монастыре должна была быть ему хорошо известна. К тому же происходил он из семьи не нищей и, как минимум по материнской линии, рыцарской: по пути в Ла Реоль Аббону и его спутни-

чаще всего в тексте фигурируют просто «еда» или «кушанья» — «*cibus*», «*esca*», «*alimentum*» etc, или «*epulae*», просто «напиток» — «*poculum*» или «*potio*». Примеры, когда продукты названы сколько-нибудь определенно, можно пересчитать по пальцам — отобранный у вдовы овес, смесь зерновых, не пострадавшая во время пожара, мед, встречающийся, впрочем, только в составе метафор. Единственным же лакомством, которое конкретизировано, оказывается груша.

Нет в текстах и указаний на разницу в предпочтениях между людьми разного пола, возраста и статуса — и монахи, и миряне, и нищие, и относительно высокопоставленные «воины» употребляют «еду»; описываемые Массимо Монтанари пищевые «модель монастыря» и «модель знати» в текстах не проявляются⁴³. Едоками в подавляющем большинстве эпизодов оказываются мужчины (что вполне объяснимо, учитывая и образ жизни автора, и сюжеты его произведений): исключение составляют лишь некая Аделаис и, с некоторой натяжкой, безымянная вдова, ограбленная

кам оказывала гостеприимство мать Аймоина — «именем Аунентруда, сродственница воина Гиральда». См. *Vita*. 1853: XVIII.

- 43 «Модель монастыря» подразумевала сдержанное отношение к пище, желательность умерщвления плоти и осуждение чревоугодия; но «идеал умеренности не встречает понимания среди правящей верхушки новой Европы, особенно там, где было сильно «варварское» влияние, где образ отважного воина — это и образ человека, способного поглотить огромное количество еды и питья: такого героя описывают германские мифы и рыцарские поэмы, такой тип потребителя пищи — сильного, прожорливого, ненасытного — предпочитается и ценится». (Монтанари. 2009: 33). Монтанари приводит также слова Лиутпранда Кремонского, еще одного автора X в., который «... утверждает, что «король греков» (император Византии) Никифор Фока — человек презренный, ибо любит зелень и не пьет вина; зато превозносится Оттон Великий, «король франков», который «никогда не скареден и презирает низменные кушанья». (Монтанари. 2009: 34). У Аймоина для мирянина Арнуста, как мы видели, статус лакомства имеет груша, которую можно отнести к разряду «зелени».

безымянным «всадником»⁴⁴. Таким образом, сведений об особенностях рациона людей конца X — начала XI века, о том, какая сельскохозяйственная продукция производилась в окрестностях Флёри, а какую приходилось привозить издалека, какие приправы и какие кулинарные рецепты использовались и т.д. — в обоих текстах не найти.

И вместе с тем автор исправно упоминает пищу всякий раз, когда для этого возникает повод. Еда оказывается чем-то очень ценным: рассказ о стремительно убегающем, словно летящем на крыльях, епископе в любом случае был бы весьма колоритным, но покинутый персонажем стол позволяет читателю в полной мере прочувствовать происходящее (так что возникает даже искушение вспомнить об «эффекте реальности» Барта). Кухня, пекарня и амбар чрезвычайно важны для выживания обители, поэтому, когда огонь щадит их, это кажется величайшей милостью свыше. Боевые действия ведутся не в последнюю очередь ради продовольствия — как со стороны нападающих на монастырские владения, так и со стороны их защитников. Появляется даже сцена, в которой сам святой Бенедикт символически вовлекается в оборону монастырских угодий вместе с процессией монахов:

[сидящий на обочине больной бродяга] ... спросил у проходящих мимо, в чью честь дорогу топчет такая толпа со столькими крестами. Ему ответили, что этим путем любимый Господом святой Бенедикт направляется [...] для защиты своих виноградников⁴⁵.

Описание кары, настигающей святотатца, в любом случае было бы воспринято должным образом, но если она об-

44 При чем если персонаж мужского пола может упоминаться и в ситуации изобилия еды — за щедро накрытым столом, — то обе женщины вынуждены довольствоваться в одном случае — любым подаванием, в другом — вполне вероятно, тем самым овсом, который у нее забрали.

45 **De Miraculis.** 1853: I.XIX.33.

рушивается на виновного в миг его торжества, эффект усиливается; и в «Чудесах» ситуацией, когда грешник пребывает на вершине блаженства, становится, похоже, застолье. Несгораемый столик с едой для бедных уподобляется неопалимой купине. Наконец, как уже говорилось, благочестивые защитники монастыря как будто бы не проводят четкой границы между хлебом и вином для причастия — и просто хлебом, который едят монахи, а также «чашей», которая выпивается в стенах монастыря и во имя его покровителя. Вокруг питания все время образуется некоторое напряжение — то более, то менее явным образом. Можно даже осторожно говорить о своего рода сакрализации пищи; образ «еды вообще» заслоняет собой конкретные продукты и блюда, которые из них можно состряпать, но это только усиливает общее впечатление. «Жизнь Аббона» и «Чудеса святого Бенедикта» почти ничего не говорят о том, что и как современники Аймоина Флёрийского ели, но позволяют составить некоторое представление о том, каким было отношение к еде.

Разумеется, если мы подходим к текстам Аймоина как к «авторским», то есть несущим на себе отпечаток индивидуальности того, кто их составлял, эту характеристику обоих произведений тоже можно отнести к числу «авторских», к особенностям стиля и мироощущения самого Аймоина. Но можно увидеть за этими локальными образцами латинской словесности уже сформировавшуюся и продолжающую развиваться культуру, уже сложившуюся литературную традицию, а также ту самую трудноуловимую «повседневность», в которую автор в любом случае был погружен, тот опыт проживания в условиях X столетия, который он делил

со своими современниками⁴⁶. И тогда существующее в текстах Аймоина напряженное восприятие еды и непри-
нужденная трансформация «пищи телесной» в «пищу ду-
ховную» и наоборот — все это может в какой-то мере до-
полнить наши представления об усредненной картине мира
в Европе рубежа тысячелетий.

46 При этом вторую половину X и начало XI века в Северо-западной Фран-
ции еще можно назвать периодом относительно благополучным в плане
доступности продовольствия; знаменитое описание ужасного голода, ко-
торое мы встречаем в «Пяти книгах истории своего времени» Радульфа
(Рауля) Глабера, относится уже к 1032–1033 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Historiae Francorum. 1853 — Aimoinus monachus Floriacensis. Historiae francorum libri quattuor // Patrologia Latina. T. 139. Paris, 1853.

De Miraculis. 1853 — Aimoinus monachus Floriacensis. De miracula Sancti Benedicti libri duo // Patrologia Latina. T. 139. Paris, 1853.

Vita. 1853 — Aimoinus monachus Floriacensis. De vita et martyrio sancti Abbonis abbatis Floriaci coenobii // Patrologia Latina. T. 139. Paris, 1853.

ЛИТЕРАТУРА

Монтанари. 2009 — Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб: Александрия, 2009.

Adamson. 2004 — Adamson M.W. Food in Medieval Times. Westport, Connecticut-London: Greenwood Press, 2004.

Cambridge World History of Food. 2000 — The Cambridge World History of Food / Ed. by. K.F. Kiple and K. C. Ornelas. Vol II. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.